

Последний день на Земле 2: Подземный Горизонт

Кулижский Богдан

Богдан Кулижский

Последний день на земле 2: Подземный горизонт

«Автор»
2026

Кулижский Б. А.

Последний день на земле 2: Подземный горизонт /
Б. А. Кулижский — «Автор», 2026

Он прошел через ад, чтобы подарить сыну мир. Но мир снова требует жертв.Тоннели кишат «Сумеречными». Ново-Красноярск-2 задыхается от голода и тирании. Бывший раб, а ныне боец спецотряда Максим Кузнецов снова берет в руки оружие. Ему предстоит провести своих людей через километры темноты, где обитают новые, еще более опасные виды мутантов.Но главная угроза всегда исходит от людей. Пережив военный переворот и предательство, Максим оказывается на краю гибели. Теперь очередь его сына, Кости, взять на себя ответственность за выживших. Мальчику, который вырос под землей и никогда не видел неба, предстоит стать командиром ополчения, спасти родителей и принять бой с армией диктатора.

© Кулижский Б. А., 2026
© Автор, 2026

Богдан Кулижский
Последний день на земле
2: Подземный горизонт

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ 2: ПОДЗЕМНЫЙ ГОРИЗОНТ

Автор: Кулижский Богдан

ЧАСТЬ I. СОЛДАТ

Глава 1. Первая кровь

Утро в Ново-Красноярске-2 начиналось с сирены.

Не с той, что воет на поверхности, предупреждая о ракетной атаке или прорыве «Сумеречных». Эта сирена была другой — мягкой, мелодичной, почти нежной. Три коротких гудка, пауза, ещё три. Она означала подъём. Максим уже привык к ней за те три недели, что жил под землёй, но всё равно каждый раз вздрагивал. Слишком много воспоминаний было связано со звуками сирен. Слишком много раз он слышал, как они воют, предупреждая о смерти.

Он открыл глаза. Потолок — бетонный, с лампами дневного света, затянутый металлической сеткой. Сетка была не для красоты — она защищала лампы от случайных попаданий. В подземном городе всё было продумано до мелочей. Война научила людей думать о том, о чём раньше никто не думал.

Рядом спала Аня. Она лежала на боку, уткнувшись лицом в подушку, и дышала ровно, спокойно. Её волосы разметались по подушке — тёмные, густые, отросшие до плеч. Максим смотрел на неё и думал: вот оно, счастье. Простое, тихое, человеческое. Он не знал, сколько оно продлится, но хотел запомнить каждую секунду. Каждую чёрточку её лица. Каждый вздох.

Он встал тихо, чтобы не разбудить. Пол был холодным — бетон, покрытый тонким слоем линолеума. Он прошёл босиком до раковины в углу комнаты. Комната была маленькой — метров десять квадратных. Кровать, тумбочка, шкаф для одежды, стол. Всё стандартное, выданное городской администрацией. Но для Максима это было роскошью после семи лет рабства.

Он умылся холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало — маленькое, треснувшее в углу. Оттуда смотрел мужчина лет двадцати пяти, худой, с впалыми щеками и шрамом на левом плече. Глаза — серые, усталые, но живые. Он давно перестал считать себя семнадцатилетним. Тот Максим остался на поверхности, в подвале, среди мёртвых. Тот Максим умер вместе с матерью и отцом. Этот Максим был другим человеком.

— Ты рано, — пробормотала Аня, не открывая глаз.

— Не спится.

— Опять?

— Опять.

Она села на кровати, потёрла лицо руками. Волосы упали ей на глаза, и она откинула их назад — привычным жестом, который Максим знал наизусть. Она стала выглядеть лучше за эти три недели: щёки округлились, глаза ожили. Работа в госпитале шла ей на пользу. Она снова была похожа на ту девушку, которую он встретил в «Ковчеге» — молодую, красивую, полную жизни.

— Сегодня же этот вызов, — сказала она. — В девять.

— Помню.

— Ты думал, что это может быть?

Максим пожал плечами. Он думал об этом всю ночь. Перебирал варианты: работа, перевод, новое назначение. Но ни один из них не казался правильным. Люди, которых вызывают в отдел специальных операций, не возвращаются к обычной жизни.

— Мало ли, — сказал он. — Может, работу предложат. Может, на поверхность отправят. Может, просто хотят поговорить.

— Просто поговорить не вызывают в отдел специальных операций, — Аня встала, подошла к нему, обняла за плечи. — Макс, будь осторожен. Мы только начали жить нормально. Я не хочу, чтобы это закончилось.

— Я тоже, — сказал он. — Но если не пойду — точно ничего не узнаю.

Она кивнула. Понимала. Она всегда понимала. Это было одной из причин, по которой он её любил.

Он оделся — серую робу, стандартную одежду жителей подземного города. Роба была чистой, выглаженной. Аня позаботилась. Она всегда заботилась о нём, даже когда он не просил. Особенно когда он не просил.

— Ты поешь? — спросила она.

— Не хочу.

— Макс.

— Ладно. Что-нибудь быстрое.

Она достала из тумбочки пачку галет и банку консервов. Открыла консервы ножом, разложила на тарелке. Максим ел и смотрел на неё. Она двигалась по комнате легко, привычно, как будто жила здесь всю жизнь. А ведь они жили здесь всего три недели. Три недели нормальной жизни после семи лет ада.

— Ты знаешь, — сказал он вдруг, — я иногда думаю: а что если бы мы не пошли в «Ковчег»? Что если бы остались в подвале?

Аня замерла. Потом села напротив него.

— Тогда мы были бы мертвы, — сказала она. — Или всё ещё сидели бы там, среди мёртвых. Ты не можешь думать о том, что было бы. Ты можешь думать только о том, что есть.

— Знаю. Просто... иногда не получается.

— У меня тоже, — тихо сказала она. — Я иногда просыпаюсь и думаю: а вдруг это сон? Вдруг я всё ещё в лагере, и сейчас придёт охранник и скажет, что мне пора на работу? Я смотрю на тебя и думаю: нет, это не сон. Это реальность. Но страх не уходит.

Максим взял её за руку.

— Мы выжили, — сказал он. — Мы здесь. Мы вместе. Это главное.

— Да, — сказала она. — Это главное.

Он доел галеты, допил воду. Встал, надел куртку. Аня подошла к нему, поправила воротник, поцеловала в щёку.

— Иди, — сказала она. — И возвращайся.

— Вернусь.

Он вышел в коридор. Коридор был длинным, ярко освещённым, с дверями по обе стороны. Из-за некоторых дверей слышались голоса, смех, плач ребёнка. Обычная жизнь. Люди жили здесь, работали, растили детей. Как будто не было никакой войны. Как будто мир не закончился.

Максим шёл по коридору и думал: а ведь когда-то и он жил так. Утром — в колледж, вечером — домой. Мать готовила ужин, отец смотрел телевизор. Кристина ждала его у подъезда. Он думал, что так будет всегда. Он ошибался.

Он вышел на площадь — центральную часть города. Здесь было людно: люди шли на работу, дети бежали в школу, торговцы открывали свои палатки. Где-то играла музыка — кто-то включил радио. Это было странно: радио в подземном городе. Но оно работало. Город жил.

Максим поднялся по лестнице на второй ярус, прошёл через мост — металлический, с перилами, соединяющий две части города. Внизу, под мостом, был парк — с деревьями в горшках, с скамейками, с фонтаном, который не работал. В парке гуляли люди. Матери с колясками, старики, дети. Максим смотрел на них и думал: а ведь это всё ещё возможно. Жизнь. Настоящая жизнь.

Он дошёл до двери с табличкой:

«ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ»

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН»

Он постучал. Сердце колотилось. Он не знал, что будет за этой дверью. Но он знал: что бы там ни было, он справится. Он справлялся и не с таким.

— Входите, — раздался голос.

Кабинет был небольшим, но обжитым: стол, карта на стене, шкаф с папками, два стула. За столом сидел мужчина лет сорока — коротко стриженный, в военной форме без знаков различия. Рядом стоял второй — тот самый капитан Орлов, который встречал их на КПП три недели назад. Орлов кивнул Максиму, как старому знакомому.

— Максим Кузнецов? — спросил мужчина за столом.

— Так точно.

— Присаживайтесь. Я полковник Захаров, начальник отдела специальных операций. Это капитан Орлов, вы уже знакомы.

Максим сел. Полковник смотрел на него внимательно, как будто изучал. Максим смотрел в ответ. Он не привык отводить взгляд.

— Вы, я слышал, семь лет были в рабстве у бандитов, — начал Захаров. — Участвовали в побеге, были ранены, выжили. Это... — он помолчал, подбирая слово, — ...ценный опыт.

— Не сказал бы, что ценный, — ответил Максим. — Скорее, тяжёлый.

— Именно поэтому цен ный, — Захаров откинулся на спинку стула. — Нам нужны люди, которые знают поверхность. Не просто знают — выжили там. Которые умеют ходить тихо, стрелять метко и принимать решения. Вы подходите.

— Для чего?

Полковник переглянулся с Орловым. Потом достал из стола папку, раскрыл её. В папке были фотографии — чёрно-белые, зернистые, снятые с беспилотника. На них был аэродром. Разрушенный, сгоревший, но всё ещё узнаваемый.

— Три недели назад наши разведчики обнаружили на поверхности необычную активность, — сказал Захаров. — В районе бывшего военного аэродрома «Восток-7» — того самого, где вы были. Там что-то происходит. «Сумеречные» ведут себя странно: собираются в группы, мигрируют, как будто их что-то тянет. Мы думаем, там формируется что-то вроде... гнезда. Или источника. Если это так — оно может угрожать городу. Нам нужно понять, что это.

— Почему я?

— Потому что вы там были. Знаете местность. Знаете, как выживать. И потому что у вас есть личный интерес — вы потеряли там друзей. Это мотивирует.

Максим сжал кулаки. Потерял друзей. Да. Кузьмин, Леша, Гриша, Лариса, Седой... Все они остались на поверхности. Навсегда. Он помнил каждого. Помнил их лица, их голоса, их последние слова.

— Что нужно делать?

— Собрать группу. Пять-шесть человек. Пробраться к аэродрому, провести разведку, вернуться с данными. Если найдёте что-то важное — доложить. Если нет — просто вернуться. Это опасно, но необходимо.

— Кто будет в группе?

— Вы набираете сами. Из тех, кому доверяете. Мы дадим оружие, снаряжение, связь. Срок — неделя. Через семь дней вы должны вернуться.

Максим молчал. Он думал об Ане. О том, что обещал ей нормальную жизнь. О том, что снова придётся уходить. Снова рисковать. Снова терять. Но он думал и о другом: о тех, кто остался наверху. О Седом, который прикрывал их отход. О Грише, который погиб, спасая остальных. О Ларисе, чьи крики он слышал до сих пор. Он не мог оставить их смерть без смысла. Он должен был узнать, что там происходит. И если это угроза — уничтожить её.

— Я согласен, — сказал он.

Захаров кивнул.

— Хорошо. Даю вам сутки на сборы. Завтра в это же время — здесь. Список группы предоставите мне. Свободны.

Максим вышел из кабинета. В коридоре он прислонился к стене, закрыл глаза. Сердце колотилось. Он знал, что делает. Знал, что это нужно. Но было страшно. Страшно до тошноты. Он вспомнил, как стоял в подвале, сжимая нож, и слушал шаги наверху. Как смотрел в щель между досками на «Сумеречного» с жёлтыми глазами. Как бежал через лес, зная, что за ним гонятся.

Он не хотел возвращаться туда. Но он знал: если не он, то кто?

Он пошёл домой. По дороге зашёл в столовую, купил хлеба и сыра. Аня обрадуется. Она любила сыр — настоящий, не синтетический, который делали в подземных цехах. Он стоил дорого, но Максим не жалел денег. Деньги были бумагой. Жизнь была дороже.

Дома Аня ждала его. Она посмотрела на его лицо и всё поняла без слов.

— Насколько всё плохо? — спросила она.

— Я ухожу, — сказал он. — На неделю. Может, меньше.

— Куда?

— На поверхность. Разведка.

Аня отвернулась. Плечи у неё дрогнули.

— Ты обещал, — тихо сказала она. — Ты обещал, что мы будем жить.

— Я помню.

— Тогда зачем?

Максим подошёл к ней, обнял. Она не сопротивлялась, но и не прижималась. Просто стояла, как деревянная.

— Потому что если я не пойду — кто пойдёт? Там, наверху, что-то происходит. Что-то опасное. Если это доберётся сюда... — он замолчал. — Я не хочу, чтобы ты снова оказалась в подвале. Я не хочу, чтобы кто-то ещё прошёл через то, что прошли мы.

Она повернулась к нему. В глазах — слёзы. Но не только слёзы. Что-то ещё. Злость. На него. На себя. На весь мир.

— Ты думаешь, что ты спасаешь нас? — спросила она. — Ты думаешь, что если ты уйдёшь и умрёшь там, наверху, то это что-то изменит? Ты думаешь, мне будет легче от того, что ты погиб за правое дело?

— Аня...

— Нет, ты послушай. — Она вырвалась из его объятий. — Я семь лет была рабыней. Семь лет. Я видела, как умирают люди. Я видела, как насилуют женщин. Я сама... — она замолчала, отвернулась. — Я прошла через всё это. И я выжила. Знаешь почему? Потому что я знала: ты где-то там. Ты жив. Ты ждёшь меня. И теперь ты хочешь уйти? Опять?

Максим молчал. Он не знал, что сказать. Она была права. Во всём права. Но и он был прав. Он не мог сидеть сложа руки, когда там, наверху, зреет угроза. Он не мог.

— Я вернусь, — сказал он. — Обещаю.

— Ты уже обещал, — сказала она. — Когда уходил в разведку в «Ковчеге». И что? Ты вернулся? Да, вернулся. Но через семь лет рабства. Семь лет, Максим. Семь лет.

Он подошёл к ней, взял за руки. Она не оттолкнула.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю, что ты прошла через ад. Я знаю, что я виноват. Но я не могу иначе. Понимаешь? Не могу.

Она посмотрела на него. Долго. Потом вздохнула.

— Я знаю, — сказала она. — Поэтому и люблю тебя. Иди. Но если ты не вернёшься — я тебя никогда не прощу.

— Я вернусь.

Она ничего не сказала. Просто обняла его. Крепко. Как будто хотела удержать навсегда.

На следующий день Максим пришёл в отдел специальных операций с списком. В списке было шесть имён. Пять он знал лично. Одно — только понаслышке.

— Тимур Асланов, — прочитал Захаров. — Пулемётчик. Хорошо. Вася Круглов... — он поднял глаза. — Он погиб три года назад.

— Знаю, — сказал Максим. — Я не смог его найти. Но я хочу, чтобы его имя было в списке. В память о нём.

Захаров помолчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Лёха Смирнов... тоже погиб.

— Да. Тоже в память.

— Вы уверены? Мы не можем посылать мёртвых.

— Я знаю. Это символически. Чтобы они были с нами.

Захаров посмотрел на него. Долго. Потом вздохнул.

— Ладно. Ваше право. Но остальные — живые. Кто они?

— Павел Морозов, позывной «Мороз». Снайпер. Работал со мной в «Ковчеге». Живёт в третьем секторе.

— Знаю его. Хороший стрелок.

— Анна Кузнецова. Медик.

Захаров поднял бровь.

— Ваша жена?

— Да.

— Вы уверены? Это опасно. Если что-то случится...

— Она не пойдёт со мной. Она будет в группе поддержки. На связи. Если нас ранят — она будет знать, что делать.

Захаров кивнул.

— Ладно. Дальше.

— Дмитрий Соколов. Позывной «Дима». Мой друг. Был со мной в рабстве. Он не военный, но он умеет стрелять. И он не подведёт.

— Хорошо. И последний?

— Сергей Ковалёв. Позывной «Коваль». Бывший сержант. Он был с нами на аэродроме. Он единственный, кто выжил, кроме меня. Он знает местность.

— Ковалёв... — Захаров посмотрел в бумаги. — Он числится в резерве. Хорошо. Я его вызову.

Максим кивнул.

— Когда выступаем?

— Через два дня. В шесть утра. Шлюз номер семь. Вам выдадут снаряжение, оружие, связь. Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда идите. И готовьтесь. Это будет не прогулка.

Максим вышел из кабинета. В коридоре он остановился, прислонился к стене. Он думал о том, что через два дня снова увидит поверхность. Снова увидит мёртвый город. Снова услышит шаги «Сумеречных» в темноте. Он не боялся. Или, может, боялся, но не позволял себе это чувствовать. Он просто знал: это нужно сделать. И он это сделает.

Дома Аня собирала ему рюкзак. Молча. Она складывала вещи аккуратно, как будто от этого зависела его жизнь. Может, и зависела.

— Я буду на связи, — сказала она. — Каждый день. Если ты не выйдешь на связь — я пойду за тобой.

— Аня...

— Я не шучу. — Она посмотрела на него. — Я не останусь здесь, если ты не вернёшься. Я пойду туда. И найду тебя. Живого или мёртвого.

Он подошёл к ней, обнял.

— Я вернусь, — сказал он. — Я всегда возвращаюсь.

— Не всегда, — прошептала она. — Не всегда.

Он ничего не ответил. Он знал, что она права. Он не всегда возвращался. Но в этот раз он вернётся. Он должен.

Утром он встал рано, до сирены. Аня ещё спала. Он постоял над ней, смотря на её лицо, на её волосы, на её руки. Потом наклонился, поцеловал в лоб.

— Я вернусь, — прошептал он.

И вышел.

Шлюз номер семь был в дальнем конце города. Максим дошёл до него за полчаса. У ворот уже стояли люди. Тимур Асланов — молчаливый, с пулемётом на плече. Дима — посеревший, но живой. Павел Морозов — высокий, худой, с снайперской винтовкой за спиной. Сергей Ковалёв — с автоматом, с суровым лицом.

— Ну что, — сказал Ковалёв. — Снова вместе.

— Снова, — согласился Максим.

Они стояли у ворот шлюза. За ними была поверхность. Мёртвая, опасная, но всё ещё живая. Где-то там был аэродром. Где-то там была правда.

— Открывай, — сказал Максим.

Ворота открылись. Свет ударил в глаза — серый, тусклый, но настоящий. Солнечный свет. Максим шагнул вперёд.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал: он справится. Он всегда справлялся.

Глава 2. Первая операция

Шлюз закрылся за спиной с тяжёлым металлическим лязгом.

Максим стоял на поверхности и дышал. Воздух был горьким, сухим, пропитанным пеплом и чем-то ещё — химическим, тошнотворным. Он забыл этот запах. За три недели в подземном городе он отвык от него. Теперь он вернулся — и вместе с ним вернулись воспоминания.

Они стояли на площадке перед шлюзом — бетонной, окружённой колючей проволокой. Дальше начинался тоннель — длинный, тёмный, ведущий наверх, к руинам города. Солнце пробивалось сквозь щели в потолке — тусклое, серое, как будто умершее. Но это был свет. Настоящий. Не лампы.

— Дыши глубже, — сказал Ковалёв, стоявший рядом. — Первые минуты всегда тяжёлые. Потом привыкнешь.

Максим кивнул. Он не сказал, что уже привык. Семь лет на поверхности научили его дышать этим воздухом. Но сейчас, после трёх недель чистого подземного воздуха, лёгкие горели.

Группа собралась быстро. Шесть человек: он, Ковалёв, Тимур, Павел Морозов, Дима и ещё один — молодой парень по фамилии Соколов, которого все звали «Сокол». Он был новеньким, как и Максим когда-то. Глаза горели, руки дрожали. Максим узнал этот взгляд. Он видел его у себя в зеркале три года назад.

— Слушайте задачу, — сказал Ковалёв. — На верхних уровнях, в районе бывшего завода «Красный Октябрь», засела банда мародёров. Они перекрыли тоннель, ведущий к складам с продовольствием. Наши люди не могут пройти. Задача: зачистить тоннель, уничтожить или вытеснить банду. Работаем тихо. Без шума. Если начнётся перестрелка — быстро, жёстко, без соплей. Вопросы?

— Сколько их? — спросил Тимур.

— По данным разведки — от восьми до двенадцати. Вооружены легко: пистолеты, дробовики, возможно, один автомат. Серьёзного сопротивления не ожидается.

— А «Сумеречные»? — спросил Дима.

— Днём они не суются. Мы работаем днём. К вечеру должны вернуться. Если не успеем — ночуем в тоннеле, в безопасном месте. Но лучше успеть.

Максим проверил автомат. Заряжен, предохранитель снят. Он не любил это оружие — слишком тяжёлое, слишком громкое. Но выбора не было. В армии не спрашивают, что ты любишь.

— Пошли, — сказал Ковалёв.

Они двинулись вверх по тоннелю. Пол был неровным, бетон треснул, из щелей лезли какие-то растения — бледные, чахлые, но живые. Максим удивился: он думал, что на поверхности ничего не растёт. Оказывается, растёт. Жизнь цеплялась за всё.

Тоннель вывел их в разрушенный город. Максим остановился, посмотрел вокруг. Он был здесь раньше — в другой жизни, когда шёл к «Ковчегу». Тогда город казался ему мёртвым. Теперь он казался мёртвым вдвойне. Дома стояли с пустыми окнами, как черепа. Дороги покрылись трещинами, из которых торчала трава. Машины ржавели у обочин, некоторые сгорели, некоторые просто стояли, как памятники прошлому.

— Не отставай, — сказал Ковалёв.

Они шли по улице, прижимаясь к стенам. Максим смотрел по сторонам, но ничего не видел. Днём «Сумеречные» прятались. Днём опасность была только от людей. А люди в этом мире были опаснее монстров.

Завод «Красный Октябрь» показался через час. Огромное здание из красного кирпича, с высокими трубами, с выбитыми окнами. Вокруг — забор из бетонных плит, местами разрушенный. У ворот — двое. С автоматами. Мародёры.

— Вижу двоих, — прошептал Морозов, поднимая винтовку.

— Подожди, — сказал Ковалёв. — Сначала посмотрим, сколько их внутри.

Они залегли за бетонными плитами. Максим смотрел на ворота. Двое охранников ходили взад-вперёд, курили, о чём-то переговаривались. Один из них смеялся — громко, раскатисто. Максим слышал этот смех. Он звучал неуместно в мёртвом городе.

— Мороз, сними левого, — сказал Ковалёв. — Тимур, правого. Как только они упадут — идём внутрь. Кузнецов, ты со мной. Дима, прикрываешь сзади. Сокол, держись за Тимуром.

Все кивнули. Максим почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он знал, что будет дальше. Знал, что придётся стрелять. Знал, что, возможно, придётся убивать. Он был готов. Или думал, что готов.

— Три, два, один, — прошептал Ковалёв.

Два выстрела слились в один. Оба охранника упали одновременно — как марионетки, у которых обрезали нити. Морозов и Тимур работали чисто.

— Вперёд! — крикнул Ковалёв.

Они побежали к воротам. Максим бежал рядом с Ковалёвым, сжимая автомат. Внутри завода было темно — свет пробивался только через дыры в крыше. Пахло мазутом, ржавчиной и чем-то гнилым.

— Разделяемся, — сказал Ковалёв. — Кузнецов, Тимур — налево. Мороз, Дима — направо. Сокол, со мной. Встречаемся у главного цеха. Пошли.

Максим и Тимур двинулись налево. Тоннель вёл через бывший склад — стеллажи рухнули, ящики разбиты, на полу валялись какие-то тряпки. Максим шёл тихо, как учил Седой. Тимур шёл ещё тише. Он вообще не издавал ни звука — как призрак.

Они прошли склад, вышли в коридор. И тут Максим услышал голоса. Близко. За поворотом.

— ...говорю тебе, надо валить отсюда. Здесь скоро станет жарко.

— Куда валить? Везде одно и то же. Везде эти твари.

— Лучше к тварям, чем к военным. Военные не церемонятся.

Максим замер. Тимур показал рукой: трое. Он поднял три пальца. Максим кивнул.

Они подобрались ближе. За поворотом был небольшой зал — бывшая раздевалка. Трое мародёров сидели на скамейках, ели что-то из банок, пили воду. Один из них — здоровый мужик с бородой — держал автомат на коленях. Двое других были без оружия.

Максим посмотрел на Тимура. Тот кивнул: работаем.

Они вышли из-за угла одновременно. Максим крикнул:

— Стоять! Руки!

Мародёры вскочили. Бородатый схватил автомат, но Тимур выстрелил первым — короткая очередь, и бородатый упал. Двое других бросились бежать. Максим выстрелил — не целясь, просто чтобы остановить. Один из бегущих упал, схватился за ногу, закричал. Второй успел завернуть за угол.

— Чисто! — крикнул Максим.

— Не чисто, — сказал Тимур. — Один ушёл.

Они бросились за ним. Коридор вёл в главный цех — огромное помещение с ржавыми станками и разбитыми окнами. Максим вбежал туда и остановился. В цеху было ещё пятеро. Они стояли с оружием, направленным на него.

— Вот и всё, парень, — сказал один из них, худой мужик с пистолетом. — Бросай автомат.

Максим не бросил. Он стоял и смотрел. Время замедлилось. Он видел каждое лицо, каждую руку, каждое движение. Он знал: если он бросит автомат — его убьют. Если он выстрелит — его тоже убьют. Но, может, не сразу.

— Бросай! — заорал худой.

Максим выстрелил.

Очередь прошла по цеху — он не целился, просто водил стволом из стороны в сторону. Мародёры попадали, кто-то закричал, кто-то выстрелил в ответ. Максим почувствовал, как что-то обожгло бок — пуля прошла по касательной. Он упал за станок, перекатился, выстрелил снова.

Со стороны входа раздались выстрелы — это подоспели Ковалёв и остальные. Мародёров взяли в клещи. Через минуту всё было кончено. Пятеро лежали мёртвыми, двое — ранеными. Один попытался сбежать через окно, но Морозов снял его одним выстрелом.

Максим сидел на полу, прижимая руку к боку. Кровь сочилась сквозь пальцы, но рана была неглубокой. Просто царапина.

— Живой? — спросил Ковалёв, подходя.

— Живой, — сказал Максим.

— Молодец. — Ковалёв протянул ему руку, помог встать. — Ты сегодня двоих взял. Может, троих. С боевым крещением, сержант.

Максим усмехнулся. Сержант. Он ещё не привык к этому слову.

Они обыскали завод. Нашли склад с продовольствием — крупы, консервы, сахар, соль. Всё, что мародёры украли у города. Теперь это вернётся обратно. Нашли оружие — два автомата, три пистолета, дробовик. Тоже пригодится.

Раненых мародёров добили. Максим отвернулся, но слышал выстрелы. Это была война. Здесь не было места милосердию. Он знал это. Но каждый выстрел отзывался в нём чем-то неприятным.

Они вернулись в город к вечеру. Шлюз открылся, их встретили медики. Аня была среди них. Она бросилась к Максиму, увидела кровь на боку, побледнела.

— Это царапина, — сказал он. — Правда.

— Ты идиот, — сказала она. — Ты полный идиот.

Она перевязала его прямо в шлюзе, не дожидаясь лазарета. Руки у неё дрожали, но работали быстро, чётко. Максим смотрел на неё и думал: вот она, моя жизнь. Вот ради чего я воюю.

— Я вернулся, — сказал он.

— Вернулся, — согласилась она. — В этот раз.

Они пошли домой. По дороге Максим молчал. Он думал о том, что сегодня убил человека. Двоих. Может, троих. Он не считал. Он не хотел считать. Но он знал: это только начало. Будут ещё операции. Будут ещё убийства. Будут ещё смерти.

Он посмотрел на Аню. Она шла рядом, держа его за руку. Она была жива. Она была с ним.

Этого было достаточно.

Глава 3. Три года

Служба шла не днями — неделями.

Максим быстро понял: в армии время измеряется не календарём, а событиями. Между операциями — рутина: подъём в шесть утра, зарядка на плацу, чистка оружия, построение, учения, снова чистка, снова построение. А потом — вылазка. И там время сжимается в секунды, в выстрелы, в крики, в кровь на бетоне. После вылазки — отчёт, разбор полётов, похороны, если были потери. Потом снова рутина. И снова вылазка. И так по кругу.

Первые полгода он привыкал к темноте тоннелей. Она была другой, не такой, как в подвале на поверхности. Там, наверху, темнота была живой — она дышала, шевелилась, из неё выходили «Сумеречные». Здесь, внизу, темнота была мёртвой. Просто отсутствие света. Просто бетон и трубы. Но иногда — и здесь кто-то шевелился. Иногда из вентиляционных шахт доносился шорох. Иногда в дальних тоннелях мелькали тени. Тогда Максим сжимал автомат и ждал. Но тени не приближались. Тени уходили.

Первый месяц он не мог спать. Каждую ночь ему снился бородатый мародёр — тот самый, с ножом. Он шёл на Максима, и Максим снова и снова нажимал на курок, и снова и снова видел, как тот падает, как растекается лужа, как гаснут глаза. Он просыпался в холодном поту, шёл в умывальник, плескал в лицо холодной водой. Вася Круглов, который спал на соседней

койке, иногда просыпался тоже. Смотрел на Максима, ничего не говорил. Просто ждал, пока тот вернётся, и снова засыпал.

Через месяц Максим перестал просыпаться. Не потому, что перестал видеть сны. Потому что научился просыпаться без крика. Тихо. Как учил Седой.

Вася Круглов стал его первым другом в роте. Он был из «тройки» — того самого Ново-Красноярска-3, о котором ходили слухи. Пришёл в «двойку» ещё до войны, работал электриком, потом началась катастрофа, потом подземный город, потом армия. Вася был на три года старше Максима, но вёл себя как ровесник — шутил, подкалывал, любил рассказывать истории. У него была жена в «тройке», с которой он потерял связь. Он говорил о ней каждый день. Максим слушал и думал: а если Аня сейчас там, наверху, в городе, и ждёт его? Он не знал. Он писал ей письма — через военную почту, которая работала с перебоями. Ответы приходили редко, но приходили. Аня писала: «Жива. Работаю. Жду». Три слова. Но этих трёх слов хватало, чтобы держаться.

Вторым другом стал Тимур Асланов — молчаливый пулемётчик с Кавказа, который попал в «двойку» ещё ребёнком. Он почти не говорил, но когда говорил — по делу. У него были руки, которые могли разобрать и собрать пулемёт за минуту, и глаза, которые видели в темноте лучше, чем у других. Максим однажды спросил его:

— Ты чего такой молчаливый?

Тимур посмотрел на него и сказал:

— Слова — лишнее. Пулемёт говорит лучше.

Больше он ничего не сказал. Но Максим понял: за этим молчанием что-то есть. Что-то, о чём Тимур не хотел говорить.

Третьим — Лёха Смирнов, сапёр, который боялся темноты. Это было смешно и трагично одновременно: сапёр, который должен работать в темноте, боялся её до дрожи. Он всегда носил с собой фонарик — маленький, на батарейках, — и включал его, даже когда не надо было. Ему говорили:

— Лёха, ты нас светом выдашь!

Он отвечал:

— Лучше выдать, чем в темноте сдохнуть.

Максим сначала смеялся. Потом перестал. Потому что понимал: у каждого свой страх. У Лёхи — темнота. У Максима — что он не вернётся домой.

Они воевали вместе восемь месяцев. За это время рота провела двенадцать операций. Зачистка тоннелей, зачистка складов, зачистка верхних уровней. Банды мародёров, банды дезертиров, банды «диких» — людей, которые сошли с ума от одиночества и радиации. Иногда — «Сумеречные». Редко. В основном они держались поверхности, но иногда прорывались вниз. Тогда было хуже всего.

На пятой операции Максим получил первое ранение. Осколок гранаты — мародёры бросили её в тоннель, где он стоял с отделением. Осколок попал в бедро, неглубоко, но кровил сильно. Аня потом, когда он вернулся, сказала:

— Ещё бы сантиметр — и ты бы хромал до конца жизни.

Он ответил:

— Я и так хромаю. Иногда. На погоду.

Она не засмеялась. Она просто перевязала его и поцеловала в лоб.

На восьмой операции погиб Лёха Смирнов. Он шёл первым, проверял путь. В темноте наступил на растяжку. Взрыв был такой силы, что тоннель обрушился на десять метров. Лёху достали через сутки. Он был ещё жив. У него не было ног. Он смотрел на Максима и говорил:

— Я же говорил... темнота... она убивает...

Он умер через час. Максим нёс его тело до лазарета. Он не плакал. Он просто шёл. Тимур шёл рядом. Вася шёл сзади. Никто не говорил ни слова.

После похорон Вася напился. Впервые за всё время. Он сидел в казарме, с бутылкой какой-то дряни, и говорил:

— Я его знал три года. Три года, Макс. Он мне как брат был. А теперь его нет. И что? Что дальше? Мы все сдохнем здесь, в этих тоннелях, и никто даже не узнает, где наши могилы.

Максим сел рядом. Взял бутылку, отпил. Дрянь была горькой, обжигала горло.

— Мы выживем, — сказал он. — Мы все выживем.

— Врёшь, — сказал Вася. — Ты всегда врёшь, когда не знаешь, что сказать.

Максим усмехнулся. Он действительно врал. Но он не знал, что ещё сказать.

На двенадцатой операции, через год и три месяца службы, Максим получил звание сержанта. Громов вызвал его в штаб — маленькую комнату в тоннеле, с картой на стене и столом, заваленным бумагами.

— Кузнецов, — сказал он. — Ты хорошо работаешь. Умеешь думать. Умеешь вести людей. С завтрашнего дня — сержант. Отделение — двенадцать человек. Не подведи.

Максим кивнул. Он не знал, что сказать. Он чувствовал гордость — и страх. Теперь от него зависели жизни людей. Двенадцати человек. Он не имел права ошибаться.

В тот вечер он написал Ане письмо. Длинное, на трёх листах. Он писал о том, как скучает, как хочет вернуться, как боится не вернуться. Писал о Косте — как он растёт, как учится

ходить, как смеётся. Писал о Васе, о Тимуре, о Лёхе. Писал, что теперь он сержант, что это ответственность, что он не знает, справится ли.

Аня ответила через две недели. Коротко:

«Я горжусь тобой. Костя растёт. Он похож на тебя. Возвращайся. Мы ждём».

Максим прочитал письмо три раза. Потом спрятал его в карман — туда, где раньше лежала разбитая фотография. Он носил его с собой всегда. Как талисман.

Второй год службы был тяжелее первого. «Сумеречные» стали агрессивнее. Они чаще прорывались в тоннели. Появились новые типы — «Говорящие», которые имитировали голоса. Однажды Максим услышал голос Ани — из темноты, из-за поворота.

— Максим! Максим, помоги!

Он почти побежал. Вася схватил его за руку, удержал.

— Это не она. Это они.

Максим стоял, слушал, как голос Ани зовёт его, как он плачет, как он просит о помощи. А потом выстрелил в темноту. Голос замолчал. Максим не знал, попал ли он. Но он запомнил этот момент навсегда.

«Радиационные» появились позже. Они не нападали. Они просто стояли — на расстоянии, в темноте, — и излучали. Люди падали замертво без единой царапины. Врачи потом говорили: «Лучевая болезнь. Острая. Смертельная». Максим научился определять их по слабому свечению — едва заметному, желтоватому, как будто воздух вокруг них был болен. Он приказывал отступать. Всегда. Не было смысла сражаться с тем, что убивает на расстоянии.

«Копатели» появились на третий год. Они рыли тоннели — быстро, бесшумно, неожиданно. Они могли появиться сзади, отрезать путь отхода, утащить человека в темноту. Максим потерял троих бойцов из-за них. Одного — прямо из-под носа, в двух метрах от себя. Он не успел выстрелить. Просто увидел, как земля разверзлась, как чьи-то руки схватили бойца за ноги, как он закричал и исчез. Максим стоял и смотрел на дыру в полу. Потом бросил туда гранату. Больше он ничего не мог сделать.

Третий год был годом потерь. Вася Круглов погиб на девятой операции третьего года. Они зачищали тоннель, который вёл к поверхности. «Копатель» выскочил из стены — прямо за спиной Васи. Максим закричал, но было поздно. «Копатель» утащил Васю в темноту. Максим бросился за ним, но Тимур удержал его.

— Не надо, — сказал он. — Его уже нет.

Максим вырвался. Побежал в темноту. Он нашёл Васю через двадцать метров. Тот был ещё жив. «Копатель» грыз его ногу. Максим выстрелил — несколько раз, пока монстр не отвалился. Потом сел рядом с Васей. Тот смотрел на него и улыбался — той самой добродушной улыбкой, которая была у него всегда.

— Вот и всё, Макс, — прошептал он. — Вот и всё.

— Не говори так, — сказал Максим. — Мы тебя вытащим.

— Не вытащите. — Вася закашлялся. — Скажи... скажи моей жене... что я её люблю. Ты же найдёшь её? В «тройке»? Найдёшь?

— Найду, — сказал Максим. — Обещаю.

Вася закрыл глаза. Через минуту его не стало.

Максим вынес его тело на руках. Тимур шёл рядом. Молчал. Как всегда.

После похорон Максим не напился. Он не мог. Он просто сидел в казарме и смотрел в стену. Тимур сидел напротив. Тоже молчал. Через час он сказал:

— Ты не виноват.

— Я знаю, — сказал Максим.

— Нет, не знаешь. — Тимур посмотрел на него. — Ты думаешь, что мог что-то сделать. Не мог. Никто не мог. Это война. Здесь умирают. Все. Рано или поздно.

— И ты тоже умрёшь?

— И я. И ты. Но не сегодня. Сегодня мы живы. Значит, надо жить.

Максим кивнул. Он не знал, что сказать. Тимур был прав. Но от этого было не легче.

На третий год службы Максим получил звание старшего сержанта. Громов снова вызвал его в штаб.

— Кузнецов, — сказал он. — Ты вырос. Из тебя вышел толк. Я горжусь тобой.

Максим смотрел на него и думал: «А я тобой — нет. Ты посылал нас на смерть. Ты знал, что мы умрём. И ты посылал». Но он ничего не сказал. Он просто кивнул.

Через месяц его демобилизовали. По возрасту — ему исполнилось двадцать. По выслуге — три года. По ранению — старые переломы, которые иногда болели. Комиссия сказала: «Годен к нестроевой службе. Можете вернуться к мирной жизни».

Максим вышел из штаба и впервые за три года увидел солнце. Нет, не настоящее солнце — лампы на потолке подземного города. Но они были яркими, тёплыми, живыми. Он стоял и смотрел на них, как дурак. Прохожие обходили его, косились. Он не замечал.

Он шёл домой. К Ане. К Косте. К жизни, которую оставил три года назад.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал: он вернулся. И это было главное.

Дома его встретила Аня. Она бросилась ему на шею, обняла так крепко, что он почувствовал, как хрустнули рёбра — те самые, старые, плохо сросшиеся. Он обнял её в ответ. И почувствовал, как что-то внутри него отпускает. Напряжение, которое он носил три года, медленно уходило. Он был дома.

— Ты вернулся, — прошептала Аня.

— Вернулся.

— Я так ждала.

— Я знаю.

Они стояли в коридоре, обнявшись, и молчали. За стеной, в соседней комнате, спал Костя. Ему было три года. Он не помнил отца — Максим ушёл, когда ему был всего год. Но Аня показывала ему фотографии, рассказывала истории. Костя знал, что у него есть папа. Папа — военный. Папа — герой. Папа скоро вернётся.

Максим вошёл в комнату тихо. Костя спал на кровати, раскинув руки, уткнувшись лицом в подушку. Он был маленьким, тёплым, живым. Максим сел рядом, смотрел на него долго. Потом наклонился, поцеловал в макушку.

— Я вернулся, сын, — прошептал он. — Я вернулся.

Костя не проснулся. Но улыбнулся во сне. Как будто услышал.

ЧАСТЬ II. МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Глава 4. Завод

Завод назывался «Красный молот».

Он располагался в самом нижнем ярусе Ново-Красноярска-2 — там, где было жарко, душно и пахло раскалённым металлом. Максим устроился туда через неделю после демобилизации. Сварщик был нужен всегда — трубы текли, каркасы ржавели, вентиляция ломалась. Работа была тяжёлой, но привычной. Руки помнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.